

К вопросу об этнографических ресурсах развития туризма в Иркутской области

*Пядушкина И. И.,
ст. преподаватель
факультета сервиса и рекламы
Иркутского государственного
университета*

В статье рассматриваются проблемы формирования туристского продукта на примере Иркутского туристского региона. Автор обращает особое внимание читателей на использование этнокультурных ресурсов, в частности, обрядов и праздников, которые могут стать основой для разработки этнографических туров.

The article looks into building a regional tourist product on the basis of Irkutsk tourist region. The author draws the readers' attention to engaging ethnographic resources (traditional ceremonies and holidays, in particular) which can lay the basis for developing ethnographic tours.

Скаждым годом рынок туризма в России становится все более разнообразным и цивилизованным. Каталоги ведущих туроператоров России предлагают различные экскурсионные туры и весьма экзотичные познавательные программы, в том числе по Байкалу и сибирскому региону. И хотя спрос на этнографические туры пока невелик,

большинство считает их достаточно перспективным турпродуктом. Поэтому цель данной статьи — рассмотреть этнографические ресурсы развития туризма в области.

В историческом плане появление интереса к земле сибирской существует издавна. Еще в начале I в. н.э. о ней упоминалось в сочинениях древнегреческого историка Страбона «География». В VI в. готский историк Иордан в своем труде «О происхождении и деяниях готов» писал, что на Востоке за Уральскими горами находится земля народа югра, который живет в лесах и основным его занятием является охота. Подробное описание некоторых районов Южной Сибири составил известный китайский историк Сыма-цзянь в своем труде «Ши Цзы» («Исторические записки»), написанном в конце II — начале I в. до н.э. [10].

В средние века о сибирских народах писали знаменитые европейские путешественники Плано Карпини, Рубрук, Марко Поло, арабские историки Гардизи, Рашид ад Дин, Ибн Батута и другие. Не все побывали в Сибири, но их интерес к ней был так велик, что со слов людей, побывавших там, они составили описание сибирской природы

и сибирских народов, часто не лишённое вымысла.

Первое упоминание о Сибири у древних русичей, дошедшее до нас в Новгородских летописях, относится к XI в. [10].

Интерес к Сибири в русской исторической литературе усиливается вслед за первыми походами русских за Урал и особенно после похода Ермака, что нашло свое отражение в первых сибирских летописях. Уже в XVII в., когда еще не закончилось покорение Сибири, появился историографический памятник — «Сибирские летописи». В нем участники покорения Сибири — землепроходцы — стремились рассказать о своих походах, об открытых и покоренных землях и народах.

В XVII в. картограф и историк Семен Ремезов составил на основе более ранних летописей «Историю Сибирскую» («Ремезовская летопись»), а также «Чертежную книгу Сибири» — ее первый географический атлас.

Непосредственное научное изучение Сибири началось в XVIII в. после Петровских реформ. В середине XVIII в. академик Герард Фридрих Миллер (1705–1783) написал двухтомный фундаментальный труд «История Сибири», который явился выдающимся событием в русской и мировой исторической науке. В 1733–1743 гг. он как начальник академического отряда Великой северной экспедиции объездил всю Сибирь от Урала до Нерчинска и Якутска, обследовал архивы сибирских городов, что стало основой его «Описания Сибирского царства». Экспедиции носили академический характер, но занимались в том числе и этнокультурными особенностями проживающих народов, что было очень важно для многонациональной России.

Во второй половине XIX — начале XX вв. продолжалось интенсивное изучение Сибири, в том числе стали проводиться более глубокие научные исследования по этнографии — изучение местных этнокультур. Научно-организацион-

ными центрами были Российская Академия наук и Русское географическое общество, которое было создано для выполнения не только научных, но и прикладных задач (1846 г.). В программе общества входило всестороннее изучение России: ее географии, природных богатств и народов. Государственные интересы требовали сведений о народах Сибири, что и предопределило в целом деятельность как самого общества, так и его этнографического отделения, главная задача которого состояла в исследовании «умственных способностей русского народа», его способов жизни, нравов, религии, предрассудков, языка, сказок и т.д. Тогда же была принята программа Н. И. Надеждина «Об этнографическом изучении народности русской», в которой призывалось «подмечать и описывать все собственно русское в своем складе и быте, в своих способностях, расположениях, потребностях и привычках, в своих нравах и понятиях» [11]. В 1851 г. был создан Восточно-Сибирский (вначале назывался Сибирским) отдел, который периодически организовывал экспедиции по изучению Сибири, в том числе и по изучению народов.

После окончания Гражданской войны вновь обратились к изучению народов, населяющих родной край. Этот период характеризуется развитием краеведения на местах. Большой вклад в дело краеведения внесли школьники — по сути дела, этнотуристы, изучающие быт и культуру народов и создающие по материалам поиска школьные музеи, в которых наиболее часто встречалась этнографическая экспозиция. Для организованной и направляющей работы среди школьников в Иркутске в 1941 г. была образована областная детская экскурсионно-туристическая станция (ОблДЭТС, позже СЮТУР — Станция юных туристов, а с 1990 г. ЦДЮТиК — Центр детско-юношеского туризма и краеведения). Образована она была по примеру Центральной ДЭТС в Москве.

Эта станция продолжила «описания того района, где находится школа», начатые еще в 1867 г., когда на Первом педагогическом Съезде Восточной Сибири были определены задачи для школьных краеведов [13]. Была организована туристско-экскурсионная работа, в том числе и небольшие этнографические экспедиции. Тем самым детский туризм способствовал развитию этнотуризма в том числе. Большую работу в этом же направлении проводили и в Усть-Ордынском Бурятском национальном округе Иркутской области. Творческие исследовательские объединения представляли собой небольшие оазисы, они выставляли напоказ достижения национальной культуры, что отвечало целям национальной политики и укрепления дружбы народов Советской России.

С появлением Иркутского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в 1954 г. (ВООПИК) началась новая волна интереса к изучению краеведами памятников культуры народов края и связанных с ними судеб.

В 90-х гг. XX-го столетия областным центром народного творчества и досуга была объявлена программа «Возрождение», которая предусматривала выявление и помощь в сохранении культуры коренных и переселенческих народов. Активно начали проводиться экспедиции, в том числе и с оказанием методической помощи в создании местных очагов культуры. Возрождались фольклорные коллективы, которые участвовали в смотрах, фестивалях народной культуры и способствовали распространению национальной культуры на местах.

На современном этапе развитию этнотуризма в области способствуют научные работы местных этнографов В. В. Свирина, М. Г. Турова, Л. В. Мельниковой, Г. В. Медведевой-Афанасьевой, а также коллектива областного центра народного творчес-

тва и досуга, собравших и обобщивших огромный этнографический материал о коренных и переселенческих народах области. Все это является мощным потенциалом для разработки этнотуров по Иркутской области.

Так, несколько лет назад один из ведущих иркутских операторов Green Express разработал специальный этнографический тур «Путь шамана», ориентированный на знакомство с древнейшими традициями шаманизма. Во время недельного путешествия туристы посещали легендарный Шаман-камень у истока реки Ангары. Программа предусматривала также встречу с шаманом Валентином Хагдаевым, вместе с которым туристы посещали шаманский улус и бухту Ая, известную своими уникальными пещерами (одними из самых древних в Сибири). Здесь, у священного места, с путешественниками совершали шаманский обряд очищения и поклонения родовым духам. Кроме того, предусматривались посещение ритуального места бурят — горы Ёрд близ улуса Елгазур, осмотр наскальных рисунков и алтарного камня, используемого шаманами для жертвоприношений, поездка на мыс Хобой — самую северную оконечность острова Ольхон на Байкале, к одноименной скале Хобой («Клык»). Туристы жили в юрт-кемпинге компании Green Express.

Между тем, несмотря на широкие возможности в области этнографического туризма в Байкальском регионе, у россиян этот турпродукт практически не востребован. В 2004 г. Green Express получил всего несколько заявок по шаманским турам, да и то от иностранных туристов. «О перспективах развития данного направления говорить сложно, так как сегмент потребителей этнографических программ очень узок. Иностранные путешественники проявляют интерес к таким турам, а российские их игнорируют», — отмечают в компании [6].

Наиболее востребованы и часто используются для посещения иностранных и российских туристов воднодневные туры в поселок Усть-Орда Бурятского национального округа Иркутской области. Сотрудники Усть-Ордынского окружного краеведческого музея не только «погружают» в этнографическую среду своих гостей, но и организуют встречу с шаманом (либо в крайнем случае с артистом), который проводит обрядовые действия очищения огнем, пожелания благополучия и достатка гостям, знакомят с бурятским национальным эпосом Гэсэр. Здесь же происходит знакомство с национальной кухней бурят. Совершая обряды, сотрудники музея объясняют их смысловое содержание и вовлекают присутствующих в обрядовые действия. Непосредственное включение в культуру другого народа особенно оживляет атмосферу взаимопонимания между народами и взаимопроникновения культур. Этнографический тур может быть значительно обогащен и участием туристов в национальном празднике в случае совпадения сроков.

Кроме паломническо-этнографических туров в наш край внимание туристов может привлечь самобытная культура коренных народов Иркутской области эвенков и тофалар. Однако кроме проблем, связанных с доставкой туристов в районы их локального проживания, существуют обстоятельства, связанные с тем, что из-за русификации этих народов многое из их устного творчества утеряно. Но, зная подобные обстоятельства, при составлении тура можно ориентировать туристов на традиционный уклад жизни семьи и его бытовое содержание, а также сопутствующие компоненты — экологическое, охотничье, событийное содержание тура.

Обсуждая тему этнографического туризма в области, необходимо также напомнить, что Сибирь долгое время была местом ссылки и каторги, а в на-

чале XX в. сюда осваивать необъятные просторы края прибыли представители различных национальностей. Появились поселения украинцев, белорусов, немцев, татар и т.д. Столыпинские новоселы (крестьяне, отправившиеся в регион в период аграрных реформ П. А. Столыпина) переселились к коренным народам Сибири. Они жили своей замкнутой общиной, поэтому происходила консервация и сохранение в чистом виде похоронно-поминальной обрядности, обрядов по случаю рождения ребенка, свадьбы.

Сегодня проблемы сохранения традиционной культуры народов помогают решать национально-культурные образования Иркутской области — 7 общин, 43 общественные организации, 6 автономий, 1 фонд, 5 ассоциаций. Более 40 национально-культурных центров способствуют решению задач возрождения национальных культур [12].

К тому же, несмотря на то, что многое из культурного наследия забыто, старожилы этнических поселений сохранили некоторые традиции и обряды. Принимая гостей, хозяева пытаются их воссоздать, прибегая к некой театрализации, что в своей национальной среде выглядит наиболее приемлемо и естественно.

В Иркутской области наиболее перспективна разработка этнографических туров в населенные пункты, которые имеют значительный потенциал для воспроизведения национальной культуры:

- Нижнеудинский район, Тофалария — тофалары;
- Катангский, Качугский, Жигаловский и Чунский районы — эвенки;
- Усть-Ордынский национальный Бурятский округ — буряты;
- д. Батама Зиминского района — украинцы;
- д. Новолетники Зиминского района — чувашаи
- г. Черемхово — татаро-башкирский национальный центр «Тугантыл»;

- п. Залари — татары;
- д. Пихтинск Заларинского района — голендры;
- д. Тургеневка Баяндаевского района — белорусы.

Особый интерес у туристов вызывает проживающая в Заларинском районе Иркутской области этническая группа голендров.

Публикации об этом народе начали появляться с начала 90-х гг. XX в. Называют их Бужскими или Пихтинскими голендрами — по месту первоначального и настоящего проживания. С этого же времени села Пихтинск, Средний Пихтинск и Дагник Заларинского района Иркутской области стали местом паломничества гостей из Германии, Австрии, Финляндии, Голландии, Англии, Польши. Эти посещения часто носят стихийный характер, и, учитывая интерес, проявляемый иностранными туристами, необходимо изучение потенциальных этноресурсов на примере этнической группы голендров, а также разработка четкой программы тура, тем более что этот народ никогда не существовал в абсолютной изоляции и всегда был открыт для контактов.

Существуют ли какие-либо внешние отличия поселений голендров от других сел и деревень нашего края? Первое, на что обратили внимание сотрудники Центра сохранения исторического и культурного наследия во время обследования Заларинского района, — это дома-комплексы, которые были срублены первопоселенцами. Они были нетипичны для сибирских деревень. Под одной крышей объединялись жилое помещение, стойка для домашнего скота и сеновал, что в условиях студеной сибирской зимы, пожалуй, было удачным решением. Однако такие постройки, скорее всего, были характерны в местах предыдущего проживания переселенцев. В то же время они экономичны по общей площади всех необходимых в хозяйстве строений. В связи с этим можно предположить, что одной из

причин миграции данной этнической группы было малоземелье. Причины заселения сибирских просторов голендрами исследовала историк ЦСН Наталья Галеткина еще в середине 90-х гг. XX столетия. Она высказала следующие версии переселения:

1. Из-за малоземелья и политических неурядиц предки колонистов покинули низовья реки Рейн в 1540-х гг., и одна их часть поселилась в районе Данцига (Гданьска), другая — по приглашению графа Лещинского на Западном Буге;
2. Голендры являются потомками голландских лютеран, покинувших страну из-за религиозных притеснений;
3. Пруссия — первоначальное место проживания этих людей [4].

Версию переселения голендров по религиозным причинам поддерживает и настоятель Иркутского католического прихода Успенья Богородицы ксендз Игнаций Павлюсь, который часто посещал приходы области с экуменическими целями, в том числе и Пихтинск. Он считает голендров протестантами-лютеранами, предки которых «жили в какой-то протестантской стране и образовали группировку, которую там посчитали за секту. Поэтому их буквально прогнали оттуда. И они нашли место в Польше». В Заларинский район «они приехали из мест под Бугом, на Волыни» [5].

Однако, обращая внимание на исторические мотивы переселения и особенности построек, историки все же недостаточно внимания уделяли изучению обрядности и этнографическим особенностям голендров. Между тем это имеет научное и практическое значение, потому что этнические корни народа не менее важны для последующих поколений и определения этногенеза общности.

С этой целью после тщательной подготовки и изучения материалов обследования ЦСН, а также теоретического анализа литературы были проведены этнографические экспедиции

школьников, организованные ЦДЮ-ТиК в 1998–1999 гг. (руководитель экспедиции Пядушкин И. И.). В ходе экспедиций были опрошены более 20 информаторов-старожилов. Позже весь этнографический материал и видеозапись свадьбы, проведенной по традициям предков голендров, были расшифрованы и обработаны [6].

Результатом экспедиций стала попытка идентификации этнической принадлежности голендров.

О себе и названии своей этнической группы второе поколение поселенцев говорит так: «Голендры скажешь — никто не знает такого названия. Откуда появилось слово голендры, это у старых спросите» (Людвиг Наталья Юльевна, 1956 г.р., запись 1998 г.). «Мы бы это слово и не слышали бы, покуда не стали с нами историки заниматься. А в паспорте пишут национальность, кому что вздумается. Сейчас пишут русский, а раньше до войны еще писали «немцы», потому что фамилии Людвиг, Кунц — немецкие. Правда, говорить по-немецки никто не умел, кроме наших бабушек, дедушек, которые говорили и на польском языке. Потом, когда во время войны стали «прижимать» немцев и после войны, у нас в паспортах никто не стал писать «немец». Боялись. Стали писать «украинец». Ведь наши были в трудовой армии все как есть, начиная с 15 лет, — и девушки и парни, и кончая уже пожилыми — лет 60... Трудовая армия была по всему Уралу, Сибири, Пермской области, Красноярского края — на лесоповалах. В Краслаге (Красноярский лагерь — И. П.) были. На станции Решоты... (Иркутская область). А девушки в Молотове были Пермской области. Были в Казахстане, Узбекистане... практически в лагерях, да самых настоящих» (со слов Людвиг Петра Мартыновича, 1954 г.р., запись 1998 г.).

Зелент Густав Григорьевич, 1915 г.р., один из старожилов, о своей национальности сказал: «А кто ее знает... По-

запрошлый год корреспондент приехал к нам (запись 1998 г.), ... нашел племянницу нашу в Германии. По паспорту сейчас написали «украинец». А за то, что я немец, я во время войны на фронт не попал. Был бы я украинец, на фронте был бы». Гильдебрант Рудольф Андреевич, 1924 г.р., вспоминает: «В войну был в трудовой армии, в трудлаге, на станции Решоты в 42 г. (1942 г.). Лес валили, сгружали в вагоны на фронт... Пилили пилой-двуручкой — «баяном» (сами дали такое название). Железную дорогу проводили. Жили в бараках, охраняли (нас) как эков. Кормили так, что первые три-четыре года умирало по 20–30 человек ежедневно. Хоронили в братские могилы. После легче стало... В 1946 г. нас перевезли в Красноярск — 25 человек, передали в колхоз. С 4 октября 42 г. (1942 г.) по 7 января 48 г. (1948 г.) был в трудлаге... В 48 (1948) г. 7 января приехал в Пихтинск».

Гильдебрант Юлий Августович, 1925 г.р., о своей национальности говорит: «Голендрами старики так себя называли...» И все же старейший из пихтинцев Людвиг Густав Михайлович, 1905 г.р., так сказал: «Голендрами мы уже там назывались. Не Украина наша родина, а она по-другому как-то называлась. Улендры, или как там она называлась... (произносит с мягким «гх» — гулендры). Говорили на украинском языке, молимся по-польски» (запись 1998 г.). «Родители наши из России или из Польши... сама не знаю. У нас были папины документы, так они сгорели», — рассказала Людвиг Зузанна Михайловна, 1930 г.р.

Традиционные жилища голендров постепенно исчезают. Рядом со старыми домами-комплексами уже давно поставлены современные дома. Они принадлежат в основном молодому поколению.

Практически забыта и традиционная одежда предков. Некогда обязательные элементы одежды замужней женщины — головные платки и фартуки с тремя лентами голубого, зеленого или

красного цвета по подолу — сегодня не соблюдаются. Не найдешь сегодня и праздничного белого фартука, свадебной, обшитой кружевами, шлюбной юбки и красивой кружевной блузки с хайборой — большим воротником и длинными рукавами. Отзвуком тех далеких лет, когда священным был каждый этап в жизни голендров, остался по сей день чепец, надеваемый «молодуче» на второй день после свадьбы. Чепец бережно хранился женщиной всю ее жизнь. С ним она появлялась в качестве «кухарки» и свахи на свадьбах, надевала его на семейные юбилейные торжества (например, серебряный, золотой юбилей совместной жизни). В фартуке, шлюбной юбке и чепце ее и хоронили.

Настоящая свадьба сегодня сочетает в себе старинные обычаи и современные традиции бракосочетания. Поэтому при составлении этнотура в Пихтинск возможна реконструкция силами творческой группы села и показ обрядовой свадьбы для туристов.

Так, свадьба 7 июля 1998 г. Саши и Любы Людвиг, инициаторами которой были родители Саши Петр Мартынович и Наталья Юльевна Людвиг, является примером стремления сохранить обычаи предков. Родители молодых предварительно расспросили бабушек: что сказать, что сделать при отправлении древних свадебных обрядов.

Одним из важнейших этапов подготовки к свадьбе является выбор сватов. «Вся свадьба зависит от свата. Какой будет сват — такая будет свадьба. Он и на стол подносил, и дисциплину смотрел, чтоб никто нигде дрался, руководил и веселил... Все! Если сват веселый, — свадьба будет веселой», — рассказывала Наталья Юльевна. Сватами выбирали близких родственников, обязательно женатых (т.к. свахой на свадьбе должна быть жена свата).

Первым этапом свадьбы был сговор. Сват с женихом и его родителями ехали свататься в дом невесты. Входя в дом, сват произносил особые слова: «При-

шли у вас телочку купить...» и т.п. (конкретных слов не было, достаточно было передать их значение) — и, после того как хозяева приглашали гостей к разговору, к столу, между собой договаривались родители. Они ставили молодых под балку (матицу дома) и спрашивали — согласны или нет. После их согласия назначался день свадьбы.

За день до свадьбы, в пятницу после обеда, от дома жениха торжественно отправляли сватов. Они должны были пригласить на свадьбу гостей. Невеста и жених были в своих домах, никуда не выходили. Отправляли сватов с музыкой — с гармошкой, со стрельбой, чтобы все в деревне слышали, кого отправляют. Под дугой в упряжи обязательно звенели колокольчики, если отправляли на лошадях. Гриву лошади, дугу и всю сбрую украшали бантами, лентами и цветами из цветной бумаги. Украшалась также и кошевка, в которой сидели сваты. Ее обивали сзади елочкой или пихтой. Сегодня сваты обходят деревню пешком, либо едут на украшенных лентами машинах.

Сватов узнавали издали по их одежде и снаряжению. На боку, обязательно правом, крепили на три булавки хустку — сложенный вчетверо по диагонали платок — так, чтобы получался треугольник. В центре хустки крепился букетик из мелких цветочков, а по краям пришивалась узенькая красная, голубая, или зеленая, собранная рюшью, ленточка. В руках свата обязательно был бич длиной около метра. Его специально плели для столь торжественных случаев. Основой бича, ручкой, служила высушенная передняя козлиная ножка с копытцем. С одной стороны ножки сверлили отверстие для ремешка, которое можно было стянуть у запястья руки, чтобы не потерять бичик. В копытце сверлили отверстие для колечка, на которое крепили плетенный из четырех или пяти сыромятных полосок бич. Получалась косичка, которая украшалась вплетенными по всей длине

полосками из разноцветной новой ткани. Ткань для такого случая выбирали особенно яркую, либо заменяли разноцветными атласными лентами.

Входя в дом того, кого собирались пригласить на свадьбу, сваты произносили особые слова, по которым присутствующие сразу понимали о причине прихода гостей: «Ото праща Людвиг Петр (имя приглашаемого), итэш ваньсва младе на вёчайше день на веселья, абысь все ласкавы были, ихним хлебом моё просьбу не гордили. Прошу пшебевать (на столько-то часов)» (Кунц А. М.). В ответ хозяин произносил положенный для таких случаев ответ (к сожалению, по видеозаписи воспроизвести не удалось) и подносил «немножечко водочки, закуски». Сваты говорили какое-то время и ехали дальше. Как всех гостей объедут, возвращаются в дом жениха» (Людвиг З. М.).

Раньше свадьбу менее трех дней не гуляли: в первый день, в субботу, — у невесты, второй день, в воскресенье, — у жениха, а на третий день стол для родных и гостей готовили уже молодые, обязательно оба в фартуках — кормят, ухаживают за гостями. В последнее время свадьбу обычно празднуют два дня.

Перед выходом за невестой в доме жениха совершался очень трогательный обряд прощания жениха с родными (обряд прощания невесты с родными совершался в конце свадьбы.) Жених вставал «среди хаты», рядом — родители, родственники, друзья. Для совершения обряда прощания «приглашали деда» — пожилого почитаемого всеми человека. У Любы с Сашей это был Адольф Михайлович Кунц 1931 г.р. Они вместе с Зоей Михайловной Людвиг нараспев читали молитву по польским ксеншкам (так называют старожилы молитвенники на польском языке) привезенные еще их родителями в эти края. По окончании молитвы жених прощался со всеми, обнимал и целовал, в ответ старшие родственники благословляли его. Церемония прощания происходила

строго в одной комнате. Если же кто-то не смог втиснуться в комнату, то с этим человеком жених не прощался, так как за порогом с кем-либо общаться было не положено. По окончании обряда оба свата брали под руки жениха. Все должны были расступиться. Первым из комнаты обязательно выходил жених, затем сваты и свидетели, затем все остальные (Людвиг Н. Ю.).

Обряд прощания жениха и невесты имеет очень глубокие корни. По древнейшим славянским обычаям жених и невеста как бы умирают, чтобы затем родиться в новом качестве — мужчины и женщины.

За невестой обязательно едут с хлебом, испеченным в доме жениха. Хлеб везет (или несет) отец жениха обязательно накрытым убрусом (красивая разноцветная ткань, которой накрывают хлеб). Он передает хлеб отцу невесты. На следующий день хлеб, испеченный в доме невесты, передается уже отцу жениха («как будто детьми обменялись»). Хлеб съедался там, куда его приносили. Вообще специально хлеб для свадьбы не пекли. Как рассказала Наталья Юльевна, «когда-то заведёнка была: или каравай несешь, или хлеб, или пшеницу, чтоб с пустыми руками на свадьбу никто не шел, кроме подарка». Но и эта традиция уже не соблюдается — на Сашину свадьбу стряпали хлеб уже сами.

В последнее время жених забирает невесту после веселых розыгрышей, испытаний и выкупа, сочиненных молодежи. Раньше достаточно было вручения хлеба, после чего жених берет под руку невесту и выводит ее из дома. Сваты идут рядом. У жениха с невестой на левой стороне груди приколот на ленту (длиной 20–25 см) небольшой букетик из мелких белых цветочков (на правой стороне груди прикалывают только женатые и замужние). Такие же букетики на ленте, но в основном красного цвета, приколоты на груди у всех гостей. Молодых усаживают в машину и, как только машина трогается с места, раздается

выстрел из ружья. Все едут в сельсовет, где совершается гражданское бракосочетание.

После регистрации молодые приезжают к месту празднования. Застолье у Любы с Сашей проходило в сельском клубе села Средний Пихтинск. Вход в клуб был украшен молодыми березками, лентами и цветами из цветной бумаги, воздушными шарами (зимой ворота, дом, дверь украшались еловыми лапами). Для молодых готовилось особое место в углу. В изголовье помещалась объемная, сантиметров 20–25 в диаметре, перевитая цветной бумагой гирлянда из брусничника и кедрача (иногда пихты). Раньше плели гирлянду, сопровождая работу обрядовыми песнями. Современное поколение этих песен уже не помнит. Зимой также ехали в лес за брусничником и пихтой, расчищая снег веничком, чтобы украсить угол для молодых. Можно предположить, что поскольку кедр, пихта и брусничник не изменяют своей окраски весь год, то в данном случае, вероятно, символизируют вечность, долголетие, богатство, здоровье, как пожелание молодоженам. Стены клуба были также украшены веточками кедрача, цветными воздушными шарами и гирляндами из разноцветной тонкой бумаги.

За стол никто не садился без разрешения сватов. Рассаживались в следующей последовательности: жених с невестой, дружки, свахи, мать, дальше родственники — тетки, дядьки, племянники и молодежь — друзья и подруги молодых. По какой стороне жених сидит, — по той стороне и родственники жениха, с какой стороны невеста по той стороне родня невесты. Напротив жениха и невесты усаживали так называемых приличных — свидетелей. Они ухаживали за молодыми. Сваты за стол не садились. Ведь это именно они от начала до конца ведут всю свадьбу. «Сва- том был много раз, — вспоминает А. М. Кунц, — за стол садился, когда свадьбу отведешь. Гармонист тоже за столом не

сидит». Невеста занимает место с левой стороны от жениха. Между ними угол стола. На второй день молодая уже сидит рядом, но по правую руку от мужа. Так принято.

Важным этапом свадьбы была торжественная установка традиционных «рогачей» перед женихом и невестой. До этого момента никто к пище не прикасался. Рогачи — это обвитые цветной бумагой веточки березки или черемухи, с навешанными на них конфетами. Вначале вносили караваи, ставили перед молодыми и перед свахами и втыкали в них рогачи. Рогачей должно быть три. Еще одна особенность: рогач нужно было воткнуть в каравай только один раз. «Если он начинает падать, ни в коем случае во второй раз дырку не делали. Если упал... плохо это...» (Людвиг Н. Ю.). Поэтому и караваи для рогачей выпекали повыше, чтобы избежать неприятных моментов. Если каравай лопался при выпечке, это предвещало молодой семье нелегкую судьбу.

Затем читалась молитва, и отец жениха приглашал всех присутствующих «отведать то, что Господь им дал». Молодежь — и девушки, и парни — с веселым шумом начинали срывать конфеты, стараясь захватить как можно больше. Сегодня смысл этих действий объяснить никто из опрошенных не смог. Однако можно предположить, что рогачи — это не что иное, как прообраз «девьей красоты», которая некогда символизировала девичью волю. «Красота» воплощалась в некоем предметном символе. Это могла быть кудель, деревце (елочка или березка), лента — косоплетка, венок, веревка и пр. Когда невеста расставалась со своей волей, она делилась ею со своими подругами, символично передавая им очередь на свадьбу. Видимо, и здесь, за свадебным столом, той девушке, которой достанется больше конфет, предстояло первой выйти замуж.

Вслед за рогачами вносили и разливали водку, раскладывали на тарелоч-

ки хлеб и ждали приглашения отведа-ть угощения. Первые переселенцы вспо-минают, что раньше на свадьбе вооб-ще не выпивали. «Раньше и «горько» на свадьбе не кричали и не целовались. А вот с 60-х гг. и «горько», и целоваться стали,... старухи так плевали на это...» (Кунц А. М.).

Забыты, к сожалению, традицион-ные свадебные блюда, которые ког-да-то были обязательными. Однако А. М. Кунц вспоминал, что раньше «на столе были масло, борщ, холодец, какие-нибудь пирожки и каша пше-ка на молоке сварена... Что было, то и ставили». Ю. А. Гильдебрант, 1925 г.р., с тоской в голосе отмечал: «Раньше на свадьбу такой борщ варили...»

Весь ход свадьбы сопровождался раньше обрядовыми песнями. П. М. Людвиг объясняет, что после гонений в военное время «обычаи, традиции родителей стали выживать», то же про-изошло и с песнями.

После того как отгуляют первый день, невесту забирали в дом жениха. Но пре-жде «прощальное ей делают: собирают ее приданое, и все родственники захо-дят в дом, ... где она живет... Все, тоже стоя, начинают петь молитву» (Людвиг Н. Ю.). Происходит обряд прощания молодых с родителями и родными. Же-них с невестой стоят рядом. После чте-ния молитвы, благословляющей их на семейную жизнь, они оба прощаются с родными — проходят и целуют всех по кругу, по часовой стрелке, потом вста-ют на то же место. После этого «жених идет вперед, невеста идет, плачет, сза-ди» (Людвиг З. М.). Родственники же-ниха забирают молодых в свой дом, где вновь накрыт стол. Жениха с невестой встречают. Пока молодые за столом сидят, им стелют постель. Делает это обязательно сваха со стороны жениха (невестина сваха остается дома). При этом могут присутствовать родственни-ки. Со стороны жениха готовятся кро-вать, матрац, одеяло и одна подушка. Приданое невесты достается из сундука

(в сундук его укладывала мать невесты). Там обязательно были одеяло, перина, вышитые гладью пододеяльники, наво-лочки, два «узорника» ручной работы (подзоры для украшения кровати), про-стыни, полотенца, три большие подуш-ки и одна маленькая — «ясечек» — так называли маленькую подушечку для будущего младенца. Одеяла и подушки были из гусяного пуха, которые загодя готовили для невесты женщины на так называемой вычурнице — вечере, где сообща помогали друг другу теребить накопленное гусяное перо.

После того как постелят постель, молодых вели в комнату (происходит это обычно около полуночи или часа ночи). Наутро жених едет за тещей. Отец невесты со своим хлебом должен был остаться ночевать в доме жениха.

Второй день свадьбы начинается тра-диционно с прощания жениха и невест-ы с молодежью: «начинают паненский танцевать» — прощальный танец для молодых. С женихом и невестой танцу-ет каждый желающий, но только холос-тые и незамужние. После танца сваты забирают молодых и ведут переодевать невесту. Жених остается в прежней одежде, невеста переодевается. На го-лове у нее остается только фата.

Наступает кульминационный момент свадьбы — надевание, «прибивание» чепца молодой и шапки ее суженому. Для совершения обряда сваты ставят лавку, а сваха (со стороны жениха) го-товит подушки, накидки и тарелочки. Сваха обязательно в чепце, в котором сама выходила замуж. Сзади на голо-ве бант из длинной атласной цветной ленты. Концы ленты свисают по спи-не ниже колена. Длина ленты бывает до двух с половиной метров (у свахи со стороны невесты лента должна быть ко-роче) — «чтоб развитие было», — пояс-нила Наталья Юльевна.

Сваха укладывает на лавку две боль-шие подушки, хорошо взбивает их и покрывает сверху новым праздничным головным платком. Платки для этого об-

ряда подбирали яркие, красивые. Затем сват и сваха (со стороны жениха) ведут молодых и усаживают их на подушки. Невесту усаживают по правую руку жениха. На колени им ставят тарелки, покрытые белой салфеткой. По древним белорусским традициям невесту с женихом тоже усаживали на посад — накрытую кожухом дежу (дежа — кадка для замешивания теста). В Пихтинской свадьбе невесту с женихом усаживают на лавку со взбитыми подушками, что вполне может напоминать древний белорусский обычай. Тесто и подушку можно взбить, увеличивая тем самым объем (идея надления плодородной силой).

Прежде чем надеть на невесту бабий чепец, сваха спрашивает мать невесты: «Тамара Петровна, разрешите снять с вашей дочки венок и надеть чепец». После короткого «разрешаю» сваха снимает фату и надевает ее на голову подружки невесты. По всей видимости, это тоже своеобразная передача очереди на свадьбу. Затем сват со свахой причесывают молодых, сбрызгивают духами и одеколоном. По старинной белорусской традиции перед надеванием чепца невесте и шапки жениху им подстригали волосы и немного их подпаливали. Обряд посада символизирует преобразование невесты в молодницу. Головной убор жениха называли шапкой независимо от того, что летом это могла быть кепка или шляпа, украшенная бантом, либо теплая шапка зимой.

Надевание чепца и шапки, как и все ключевые моменты свадьбы, происходили под стрельбу в воздух из ружья (символическое отпугивание нечистой силы) и пение обрядовой свадебной песни.

Чепец (пихтинцы произносят — «чэпэц») представляет собой полосу кружевной ткани длиной примерно 170–190 см, шириной около 15–16 см, обшитую по краям мелкими кружевами, собранными рюшью, или, как их еще называют, бжешками. Середина чепца украшается тремя цветками из гофри-

рованной, иногда пропарафиненной бумаги красного цвета с двумя зелеными листочками и дополнительной продольной рюшью, что делает эту часть чепца на один–два сантиметра шире. Готовит чепец для невесты сваха со стороны жениха. Правда, сегодня эта традиция не всегда соблюдается. Чепец для Любы готовила ее будущая свекровь — Наталья Юльевна. Сваха и повязывает его невесте под подбородком, длинные концы заправляются под узел с внешней стороны во внутреннюю и расправляются. После того как «наложат чепец», букетик цветов, приколотый к левой стороне груди, переносится свахой на правую сторону, символизируя женатое и замужнее состояние молодых.

Следующий за этим обряд прибиения — троекратное подбрасывание вверх молодых, сидящих на скамейке с подушками — по-видимому, символизировал сплачивание новой семьи: ведь им нужно удержаться, не опрокинуться. А про сам обряд надевания чепца и шапки говорили: «надо чепец прибити» или «надо чепец и шапку прибити, чтоб не слетел».

Далее под возгласы «на чепец!», «на шапку!» происходит преподношение молодым денег и подарков. Начало ему, по традиции, должны положить сваха со сватом. Выкрикивая «на чепец!», «на шапку!», они первыми кладут деньги на тарелочки, поставленные в руки молодым, подзадоривая приглашенных на свадьбу постоянными денежными пополнениями. Их почин поддерживают все гости. Когда дары «не влазят в тарелки, таз приносят». Большие по своим габаритам подарки (коробки, ковры и т.п.) ставят перед молодыми. Когда «на чепец наложат», подсчитывают, кто дороже — жених или невеста. Считали сваты. Потом объявляли всем» (Людвиг З. М.). Раньше подарки складывали в сундук и уносили в дом, где предстояло жить молодым.

Затем следовал обряд символического приема молодой в семью мужа —

молодожены подходили и поочередно обнимали и в щеку целовали родственников по мужской линии. По команде свата принятие в семью сопровождалось «паненским танцем», где молодых приглашали (в отличие от предыдущего танца) только женатые мужчины и замужние женщины. С громким выкриком: «Наша!», «Наш!», «В нашем полку прибыло!», — молодых подхватывали в танце, тем самым высказывая доброжелательное отношение к появлению нового родственника.

После второго дня свадьбы, отмечаемого застольем в доме жениха, молодая в течение всей недели «не должна была идти к родителям. Даже ни в чужой дом, ни на дорогу, ни через порог, ни на чужую улицу, ни на усадьбу... Должна неделю быть тут. А уже в воскресенье, у нас этот день называется «пэтрусыны» (через неделю после свадьбы), идут сваты к родителям молодой. Там и стол готовят. Тяжко... мама ко мне приходила, придет, посидит... Я даже плакала», — вспоминает Наталья Юльевна.

Второй день после свадьбы Саши и Любы совпал с серебряным юбилеем родителей жениха. И обряд «прибавания» чепца и шапки, перемещения символического букетика с одной стороны груди на другую повторился, но уже с серебряными юбилярами. Их также усаживали на лавку, торжественно надевали чепец и шапку и трижды поднимали лавку. Затем сваты, поставив тарелки им на колени, пригласили гостей словами: «На чепец!», «На шапку!» — одаривать подарками серебряных юбиляров. А поскольку у них был уже двухгодовалый внук, кто-то в шутку посадил внука молодому деду на колени, как бы добавляя к деньгам и подаркам самое ценное, что продлевало уже род Людвигов на Земле.

Была у голендров и еще одна веселая традиция: на третий день свадьбы «трясти» тех, кто первый раз был на такой свадьбе свахой или сватом. Правда, в последнее время «трясут» всех, кто во-

обще впервые гулял на свадьбе голендров. Четыре человека, по двое с двух сторон, трижды подбрасывали гостя вверх, а затем резко наклоняли вниз головой. После этого виновник необычного обряда должен был дать выкуп. На свадьбе Любы и Саши это были шампанское, вино и коньяк.

Именно Петр Мартынович и Наталья Юльевна были инициаторами соблюдения свадебного обряда по старинным традициям своих предков. Откуда пришли к ним такие традиции, от какого народа — сделать вывод непросто. Так, например, для свадебной обрядности пихтинских голендров характерны отголоски как белорусской, так и немецкой народной культуры. Известно, что немцы украшали дома новобрачных зеленью и стоявшей перед ними березкой. Так же украшен был и деревенский клуб в Пихтинске, где гуляли свадьбу. Кроме того, обряды, связанные с растительностью, передавали женщине (земле) плодотворную силу. Чтение молитвы и прощание жениха с родными также встречается в немецких свадебных традициях. Однако молитвы читаются по польским молитвенникам.

Обряд «очепления» (надевания чепца на молодую) у немцев характерен только для местности Брауншвейга, да и то с замечанием, что к началу XX в. встречался очень редко. У белорусов он имел более широкое распространение. Однако белорусский чепец представлял собой круглую шапочку, связанную из льняных или конопляных ниток. Кроме того, пихтинское и белорусское слово «хустка» имеет одно значение — платок.

Нельзя исключить и польские корни голендров. По польским молитвенникам, привезенным из родных мест родителями, молились, учились читать рожденные в Сибири. В разговорной речи пихтинских голендров сохранились польские слова — дах (крыша), хустка (платок), ворстат (ткацкий станок), шмата (тряпка). Кроме того, и приглашение на свадьбу произносилось

по-польски. А. М. Кунц высказал свое предположение: «Свадьбу считали, что по-польски справляли, потому что песни все на польском пели». Да и в свадебных «паненских танцах» прослеживаются элементы и мотивы польской народной культуры.

С годами (а ведь прошел целый век!) произошла трансформация языка. Из-за гонений во время жестоких репрессий о многом боялись говорить вслух. Сегодня голендры возрождают забытые обряды и традиции. В обществе растет интерес к этой этнической группе, и встреча гостей на Пихтинской земле могла бы проводиться с традиционными обрядами предков голендров.

В целом в результате разработки и реализации этнотуров могут актуализироваться положительные аспекты воздействия культурно-этнографического туризма — возрождение народных промыслов, традиций и фольклора. Это, в свою очередь, приводит к оживлению местной культурной жизни, вызывает интерес к историческим памятникам, обычаям и традициям, тем самым внося вклад в защиту и правильное использование природного и культурного достояния.

Кроме того, развитие этнотуризма в Иркутской области будет способствовать росту экономического потенциала региона, в том числе в местах локального проживания этнических групп, поскольку это один из важнейших видов новых источников дохода.

Между тем для формирования программ этнографического туризма предстоит решить несколько предварительных задач.

- Определение туристской специализации. Решением этой задачи может являться объединение интересов этнотуристов с представителями науки, экологами, охотниками, любителями деревенского быта, спортивно-оздоровительного туризма и пр.
- Использование событийного туризма, который связан с уникальными

событиями, приуроченными только к данной территории — национальные праздники Сурхарбан, Сагаалган (Новый год по лунному календарю), традиционные ритуальные игры у горы Ехе-Ёрд, международные и российские слеты шаманов на острове Ольхон на Байкале и др., либо какие-то собственные инициативы, связанные с уникальностью региона.

- Составление туристской программы и маршрута с учетом наличия и видов транспортных средств, сезона и интересов самих туристов.
- Решение некоторых вопросов по организации туризма, прежде всего экскурсионной деятельности, размещения и питания туристов, в том числе и национальной традиционной пищи. Предоставление туристу ночлега в конкретном месте увеличит доходность обслуживания на порядок, а значит, предстоит решение вопроса о получении специальной лицензии.
- Создание рекламной информации и ее распространение — очень важная задача для привлечения интереса туристов к столь экзотическим турам и их реализации. Информация должна содержать географическую карту, сведения о транспортной доступности, подробную характеристику всех точек маршрута, мест ночлега, почасовое расписание каждого дня тура, а также четкое указание цены и возможных скидок.

В связи с вышесказанным необходимо обратить внимание на подготовку студентов специальности «социально-культурный сервис и туризм» в этом направлении:

- организовать спецкурс для студентов специальности СКСиТ, желающих заниматься в будущем реализацией этнотуров;
- внести в программу по экскурсионно-выставочной работе вопросы подготовки этнокультурных туров к коренным и переселенческим народам региона;

- привлечь к научно-исследовательской работе по вопросам этнотуров студентов специальности СКСиТ;
- разработать темы и рекомендации к курсовым и дипломным работам для студентов старших курсов и выпускников;
- активизировать проведение координирующей работы с турагентствами (особенно с гидами-проводниками);
- разработать программу консультационных семинаров для гидов-проводников этнотуров.

Необходимо продумать формы работы и обучения будущих специалистов, а также, безусловно, шире рекламировать возможности этнотуров по Иркутской области.

Для многих турагентств проблемы этнографического туризма, связанного с посещением объектов традиционных культур, этнографических деревень, а также знакомства с этническими культурами и промыслами [15], являются еще новым и неосвоенным полем деятельности. Однако это одно из наиболее многообещающих направлений в ближайшей перспективе, которое необходимо осваивать и целенаправленно применять на практике.

Автор выражает глубокую благодарность за помощь в сборе этнографического материала в 1998–1999 гг. жителям сел Пихтинск и Дагник Заларинского района Иркутской области.

Литература

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. 237 с.
2. Брак у народов Западной и Южной Европы. М.: Наука, 1989. 242 с.
3. Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы. М.: Наука, 1998. 173 с.
4. Галеткина Н. Бужские голендры в Сибири и Германии. // Земля Иркутская. 1997. №7. С. 45–54
5. Галеткина Н. Интервью с настоятелем Иркутского католического прихода Игнацием Павлюсь // Земля Иркутская. 1997. №7. С. 37–38.
6. Дементьев С. Этнотуры по России. Электронный ресурс: <http://www.tourbus.ru/arhiv/07/news/1.htm>.
7. История Сибири с древнейших времен до наших дней в 5 томах. Т.1. / под. ред. А. П. Окладникова, В. И. Шункова и др. Л.: Наука, 1968.
8. Мельникова Л. В. Тофы: историко-этнографический очерк / Л. В. Мельникова. Иркутск: В.-С.кн. изд-во, 1994. 304 с.
9. Наумов И. В. История Сибири: курс лекций. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. 256 с.
10. Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Основы этнологии: уч. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 351 с.
11. Справочник методиста. Выпуск №1. Иркутск: Обл. центр народного творчества и досуга, организационно-методический отдел, 2006. 92 с.
12. Страницы летописи. 1941–2001 гг. 60-летию ЦДЮ-ТиК посвящается / Автор-составитель Радзиминович М. П. Иркутск: Иркутское медицинское изд-во, 2002. 328 с.
13. Токарев С. А., Филимонов Т. Д. Обряды и обычаи, связанные с растительностью // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. 224 с.
14. Туризм, гостеприимство, сервис. Словарь-справочник // Под ред. Л. П. Воронковой. М.: Аспект-Пресс, 2002. 367 с.